

**Ольга
Вячеславовна Хилько**

**Родоман. Книга третья.
Лобное место. 15 мая 1682г.**

18+

Ольга Хилько
Родоман. Книга третья.
Лобное место. 15 мая 1682г.

*<https://litres.ru/74499834>
SelfPub; 2026*

Аннотация

15 мая 1682 года. Москва горит. Стрельцы бунтуют. Пьяные, озверевшие толпы тащат бояр на Лобное место. Князь Григорий Григорьевич Ромодановский — тридцать лет державший степь — и его сын Андрей, только что вернувшийся из тринадцатилетнего крымского плена, оказываются в руках убийц. Полгода дома. Тринадцать в плену. И — Лобное. Точка, где род Ромодановских раздавлен. Где камень, что держал тридцать лет, не устоял. Не перед татаринном — перед своими.

Содержание

Глава 1. Пепел	4
Глава 2. Тишина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Вячеславовна Хилько

Родоман. Книга третья. Лобное место. 15 мая 1682г.

Глава 1. Пепел

Сцена 1. Возвращение

Осень пришла рано. В августе ещё горели травы по степи, а к сентябрю пожелтело, посерело, потянуло холодом с севера. Григорий выехал из Путивля в первых числах сентября, когда дороги ещё держали, но лужи уже стояли в колеях, и листья летели навстречу.

Их было двенадцать телег. Раненые — на четырёх. Остальные — порох, ядра, сухари, овёс. Конь под Григорием — гнедой, тёмный по бокам от пота, — шёл шагом. Григорий не торопил. Спешить было некуда. Чигирин остался за Днепром — чёрный, обугленный, мёртвый. Гарнизон пропался. Армия перешла на левый берег. Потери — считали, писали, докладывали. Три тысячи двести девяносто убитых. Пять тысяч четыреста тридцать раненых. Цифры — на бумаге. А под бумагой — люди.

Олфер вёл коня под уздцы. Шёл пешком — ноги после зимнего лагеря распухли, колени не гнулись. Ему было шестьдесят три года. Седой, кривой, лицо — как дубовая кора, руки — в узлах. Кашлял — долго, надсадно, наклоняясь в дорожную пыль. Потом выпрямлялся, сплёвывал и шёл дальше. Сабля — на поясе. Как всегда. Тридцать пять лет — на поясе.

— Олфер. Сядь на телегу, — сказал Григорий, не поворачиваясь.

— Сяду, когда ноги отнимутся, — ответил Олфер.

— Отнимутся.

— Тогда и сяду.

Григорий не ответил. Он знал — спорить бесполезно. Олфер спорил один раз в жизни — когда Григорий хотел отправить его в отставку после Чигирина. Олфер сказал: «Я — Ромодановских. Куда я без тебя». И всё. Спор был окончен.

Дорога тянулась через степь. Август — трава уже сухая стояла, старый ковыль — сухой, тонкий, гнулся под ветром. Курганы — тёмные, круглые, как спящие звери — лежали на горизонте справа и слева. Ястреб кружил в высоком небе — маленький, чёрный крест на белом.

Григорий ехал и смотрел на степь. Ему было пятьдесят шесть лет. Широкоплечий, тяжёлый, в простом дорожном кафтане — тёмный, без нашивок, без позументов. Борода — седая, короткая, подстриженная ровно. Глаза — серые, светлые, неподвижные. Лицо — загорелое, обветренное, в мор-

щинах, как просёлочная дорога в оврагах. Он не красив — он крепок. Как камень, который не катится.

Олфер кашлянул опять.

— Курск — сорок вёрст, — сказал Григорий.

— Знаю, — сказал Олфер. — Я эту дорогу наизусть знаю. Каждую кочку.

— Кочки новые. После дождя.

— Новые — тоже знаю. Я, боярин, дорогу не по кочкам помню. По запаху.

Григорий не спросил — по какому. Знал. По дыму. По хлебу. По конскому навозу. Олфер тридцать лет жил в седле и в поле. Дома для него пахли чужим.

Они проехали село Льгов. Народ стоял у дороги — молча. Мужики — в шапках, бабы — с платками. Смотрели. Не кланялись. Не кричали. Не бросали шапки. Тихо. Григорий понял: знают. Знают, что Чигирин пал. Знают, что армия отступила. Весть по Руси летит быстрее коня — на крыльях, от избы к избе, от бабы к бабе. Ещё вчера в Курске знали. А сегодня — и в Льгове.

Олфер обернулся к мужикам, кивнул — коротко, одному. Тот кивнул в ответ. Больше — ничего.

Лошадь шла шагом. Телеги скрипели. Раненые молчали — те, кто мог молчать. Те, кто не мог, — стонали тихо, в такт колёсам. Один — молодой драгун, без ноги, культя обмотана тряпкой с кровью — смотрел в небо и шевелил губами. Молился? Или считал облака?

Григорий не оборачивался. Он вёз армию домой. То, что от неё осталось.

Сцена 2. Палаты

Курск встретил колокольным звоном. Григорий въехал через Московские ворота — бревенчатые, с башней, — и поехал по улице к своим палатам. Народ стоял по обе стороны — у изб, у заборов, у амбаров. Молча. Кто-то крестился. Кто-то просто смотрел. Дети — на отцах, с любопытством и страхом разом.

Палаты — каменные, в два этажа, с крыльцом высоким — стояли на горе, над рекой Тускарь. Григорий строил их семь лет назад, когда стал курским воеводой. Тяжёлые, простые, как он сам. Без украшений. Без резьбы. Только на крыльце — каменные львы, пузатые, с оскаленными мордами. Олфер говорил: «Львы — как я. Только я — тощий».

На крыльце стояла Анастасия.

Ей было пятьдесят четыре года. Худая, седая, в тёмном сарафане, платок — белый, по-старушечьи завязанный. Лицо — узкое, в морщинах, но — ровное, светлое. Она не плакала. Она стояла — и ждала. Ждала — тридцать лет ждала. Каждый раз — ждала. И каждый раз — он приезжал. Пока — приезжал.

Григорий остановил коня. Спешился — тяжело, с хрустом в коленях. Олфер бросил узду драгуну и отступил — на крыльцо, к двери, в тень. Не мешал.

Григорий поднялся по ступеням. Анастасия — не двину-

лась. Он подошёл — и обнял. Коротко, крепко, молча. Она — уткнулась в плечо. Тоже молча. Народ внизу — не видел. Или делал вид.

— Жив, — сказала Анастасия.

— Жив, — ответил он.

— Андрей?

Пауза. Долгая.

— Письма не было.

— Значит — жив, — сказала Анастасия. — Нет письма — значит, жив. Письмо приходит — когда уже не нужно.

Григорий не ответил. Они вошли в дом.

Внутри — тепло. Печь — топлена. Пахло хлебом, щами, сушёными травами. На столе — накрыто: щи, каша, пироги с горохом, квас. Анастасия готовила с утра. Григорий сел — тяжело, на лавку, спина прямая. Не ел. Смотрел в окно — на двор, на конюшню, на реку внизу.

Анастасия села рядом. Не напротив — рядом. Не спрашивала. Не трогала. Просто — сидела. Тихо. Как умела. Тридцать лет — научилась.

Вошла Марфа. Двадцать восемь лет. Высокая, в отцовские плечи, волосы — тёмные, тяжелая коса. Глаза — серые, как у Григория. Незамужняя. Красивая — не нежно, а крепко. Красивая, как сабля в хороших ножнах.

— Батюшка.

— Марфа.

— Щи стынут.

— Потом.

Марфа посмотрела на мать. Мать — едва заметно — качнула головой. Марфа поняла. Ушла — тихо. На кухне загремела посудой — намеренно, чтобы не было слышно тишины.

Григорий повернулся к Анастасии.

— В Москве говорят, — сказал он, — что я затягивал войну.

— Кто говорит?

— Все. Понемногу.

— Потому что Андрей в плену?

— Потому что Андрей в плену.

Пауза.

— А ты — затягивал? — спросила Анастасия. Тихо. Без вызова. Как спрашивают о погоде.

— Я — воевал, — ответил Григорий. — Как умел. Как царь велел. Как степь позволяла.

— Значит — не затягивал.

— Значит — нет.

Анастасия кивнула. Встала. Налила щи. Поставила перед ним. Он взял ложку. Ел — медленно, не чувствуя вкуса. Она села рядом. Опять — молча.

В сенях — кашель. Олфер. Он не вошёл — сидел на ступенях, чистил саблю. Звук — знакомый, мягкий, как молитва: шурх, шурх, шурх. Каждый вечер — двадцать пять лет. Привычка. Ритуал. Жизнь.

Сцена 3. Клевета

Письмо пришло на третий день. Гонец из Москвы — молодой, в пыли, на чужой лошади. Письмо — от Артамона Матвеева. Григорий узнал почерк — тонкий, наклонный, с завитками на «р» и «д». Матвеев писал красиво. Красиво и осторожно — как ходил по тонкому льду.

Григорий сел у окна, развернул. Читал — долго, шевеля губами. Анастасия была на кухне — месила тесто. Марфа — во дворе, ругала конюха за плохо почищенного мерина. Олфер — на крыльце, спал сидя, сабля на коленях.

Письмо:

«Боярин и друг мой, Григорий Григорьевич. Пишу тебе не от себя — от слова, что идёт по Москве. Слово — дурное. Говорят в Думе, что ты, будучи под Чигирином, не приложил полного старания. Говорят: сын твой Андрей в турецком плену — и ты берёг себя, чтобы не сердить турок. Говорят: оттого Чигирин и потерян, что ты медлил. Я — не верю. Но — говорю тебе, чтобы ты знал. Знай и — молчи. Молчание — золото, а слово — серебро. Ты — золото. Будь — золотом. Твой друг Артамон Матвеев».

Григорий дочитал. Положил на стол. Смотрел на бумагу. Чернила — тёмные, почти чёрные. На сгибе — капля воска от печати. Красного. Матвеев любил красный воск. Говорил — «красный — как правда. Тёмный, но — видный».

Григорий молчал. Руки — на столе, большие, в ссадинах и мозолях. Пальцы — не дрожали. Лицо — неподвижное. Если бы кто вошёл — подумал: спит с открытыми глазами.

Но — не спал. Думал.

Вошёл Олфер. Не стучал — никогда не стучал. Свои — не стучат. Олфер видел письмо на столе — понял. Не спросил. Сел на лавку напротив. Молча.

— Олфер.

— Слушаю, боярин.

— Что делают с клеветой?

— Топят. Как кота в мешке. Топят — или она сама утонет.

— А если не утонет?

— Тогда — рубят. Как сорняк. Рубят — и жгут.

— А если рубить некого?

Олфер помолчал. Кашлянул.

— Тогда — молчат. Молчат — и стоят. Так твой отец делал. Его тоже чернили. При Шуйском — чернили. При поляках — чернили. Он — молчал. Стоял. И — пережил всех. Кто чернил — тех нет. А он — был.

Григорий не ответил. Встал. Подошёл к окну. Двор — Марфа, конюх, лошади. За двором — улица, дома, люди. За улицей — город, крепость, стены. За стенами — степь. За степью — враг. А за врагом — Москва. И в Москве — языки. Языки — длиннее сабель. Легче. И — злее.

— Олфер. Языки у них длинные. Сабли — короткие.

Олфер сплёвывал — точно, как в старые годы.

— Сабли — короткие. Зато — тяжёлые. Язык — лёгкий.

Лёгкое — не держит. Тяжёлое — стоит.

Григорий не улыбнулся. Впервые за долгое время — Ол-

фер ждал улыбки, и её не было. Олфер заметил. Запомнил. Не спросил.

Вошла Анастасия. Увидела лицо мужа — остановилась. Не спросила. Прошла мимо — на кухню. Зашумела посудой — намеренно. Чтобы — не тишина. Чтобы — звук. Чтобы — жизнь.

Григорий сел обратно. Взял письмо. Сложил — аккуратно, по сгибам. Убрал в шкатулку — дубовую, с железным замком. Там — все письма. За тридцать лет. Все — от царя, от Матвеева, от братьев. И — ни одного от Андрея. Потому что Андрей — в плену. И оттуда — не пишут.

Сцена 4. Братья

Через неделю — письмо от Петра. Брат. Старший — из тех, кто остался. Бывший курский воевода, теперь — на покое, в Москве. Пётр писал редко и коротко. Но это письмо — длинное. три листа, почерк крупный, с кляксами — Пётр не любил перо, любил саблю.

«Брат Григорий. Здрав будь. Я — болен. Ноги не ходят. Лекарь говорит — вода в коленях. Я говорю — старость в коленях. Лекарь молчит. Молчит — значит, согласен. Москва шумит. Слышал про Чигирин. Слышал про тебя. Не верю. Кто верит — тот дурак. А дураки — не братья мне. Мы — Стародубские. Мы — стоим. Ты — стоишь. Я — лежу. Но — стоим. Кошка моя, Машка, окотилась шестерыми. Все — рыжие. А я — ни одного сына. Одни кошки. Смешно? Мне — нет. Мёд илю, мёд хороший, липовый. Ешь.

Тебе — вредно, мне — уже всё вредно. Брат Пётр».

Григорий читал вслух — Анастасия слушала. Марфа — рядом, перебирала яблоки в корзине. Олфер — на пороге, делал вид, что не слышит.

— «Одни кошки», — повторила Анастасия. — Петро как живой. Будто вот тут, за столом.

— Он — живой, — сказал Григорий. — Пока — живой.

— Ноги у него — плохо, — сказала Анастасия. — Пишет — ноги не ходят. Это — плохо.

— У нас у всех — плохо, — ответил Григорий. — Василий Большой — помер. Зимой. Фёдор — пропал без вести. В Польше. Давно. Иван Молчанка — жив, да глух, как пень. Не слышит — и ладно. Не слышит — не чернят.

Марфа подняла голову:

— А Иван Меньшой?

— Не знаю, — ответил Григорий. — Писем нет. Давненько нет. Может — жив. Может — нет. Я — не знаю. Восьмеро нас было. Теперь — трое. Может — двое. Может — один.

— Ты — не один, — сказала Анастасия. Тихо. Твёрдо.

— Я — не один, — согласился Григорий. — Пока — нет.

Олфер, с порога, не оборачиваясь:

— Восемь братьев. Как восемь пуль. Все — в цель. А мишень — вечная. Не кончается.

— Не вечная, — сказал Григорий. — Кончается. У каждого — своя.

Анастасия посмотрела на мужа. Он — не о братьях. Он

— о себе. Она — поняла. Не сказала.

Григорий сложил письмо. Убрал — не в шкатулку. В карман. Ближе. Пётр — ближе. Пока — ближе.

Мёд пришёл через неделю — в бочке, липовый, золотой. Анастасия открыла — запах на весь дом. Тёплый, густой, как лето в ложке.

— Мёд, — сказала Марфа. — Дядя Пётр — мёд.

— Дядя Пётр — ноги, — сказал Григорий. — А мёд — от души.

Олфер намазал мёд на хлеб — толстым слоем. Ел. Чавкал. Не стеснялся.

— Хороший мёд, — сказал он. — Пчёлы у Петра — умные. Как хозяин. Только — ноги у пчёл — есть. А у хозяина — нет. Вот тебе и — мёд.

Григорий — впервые за месяц — улыбнулся. Коротко. Как просвет в тучах. И — опять туча.

Сцена 5. Сон

Ночь. Сентябрь — тёплый, тёмный. Григорий лежал — не спал. Анастасия — рядом, дышала ровно. Спала. Или делала вид. Тридцать лет — научилась спать, когда он не спал. Чтобы — не мешать. Чтобы — тишина.

Он встал. Тихо. Босиком, в рубахе, — на крыльцо. Луна — полная, белая, стояла над городом. Крыши — серебряные. Деревья — чёрные. Река внизу — светлая, как зеркало. Тихо.

Григорий стоял на крыльце. Старик. Шестьдесят — скоро. Плечи — ещё широкие, но — тяжёлые. Спина — прямая, но

— усталая. Борода — седая, в лунном свете — белая. Глаза — серые, без блеска. Тусклые. Усталые.

Он думал об Андрее. Где? Крым? Стамбул? Жив? Мёртв? Хан прислал слово — год назад: «Сын твой жив. Здрав. Помни». Он — помнил. Каждый день. Утром — помнил. Вечером — помнил. В седле — помнил. За столом — помнил. Во сне — помнил.

Андрей — младший. Двадцать лет, когда забрали. Худой, рыжий, глаза — отцовские, серые. Тихий. Молчаливый. Как мать — не как отец. Отец — молчал от воли. Андрей — от робости. Мальчик. Ему было — двадцать. А теперь — тридцать. Или — нет. Или — нет.

Григорий не молился. Не умел. Верил — молча. Как всё делал — молча. Бог — знает. Бог — видит. Бог — решит. А он — стоит. Пока — стоит.

Луна — белая. Степь — за стеной. Татары — за степью. Сын — за татарами. И всё — за ним, Григорием. Всё — на его плечах. И плечи — устали.

Он вернулся в дом. Лёг. Анастасия — не шевельнулась. Он знал — не спит. Она знала — что он знает. Тишина. Тёплая, тёмная, домашняя тишина. Не степная — степная тишина — злая, настороже. Домашняя — мягкая, как печь после топки. Горячая снаружи, тёплая внутри. Держит.

Он закрыл глаза.

Спал?

Может быть.

Глава 2. Тишина

Сцена 1. Засеки

Поздняя осень пришла в степь не вдруг — исподволь, как вор. Сперва облетел лист на дубах в дубравах, потом облетела калина оставив для птиц свои подмороженные терпкие ягоды по логам, а там и трава полегла. Степь лежала перед Григорием бескрайняя — волнистая, пологая, до самого горизонта, где небо ложилось на землю ровной чертой, словно кто провёл по линейке. Курганы — тёмные, круглые, поросшие ковылем — стояли по всей степи, как головы великанов, что сухие гнутся, уткнувшись лицом в землю. Ястреб — один, высоко — кружил, и далеко внизу бежала его тень по траве, по парам, по ложбинам, по сухим руслам речушек.

Григорий ехал проверять засечную черту — в последний раз перед зимой. Засеки — это заваленные лесом линии, рубеж, за которым — дикое поле, а за диким полем — татары. Деревья рубили, валили крест-накрест, верхушками на юг, на врага. Конница через такое не пройдёт — лошади спотыкаются, ломают ноги. Через три года лес гниёт, и надо рубить заново. Через пять — провалишься по грудь. Через десять — зарастает, и ничего не видно, и татарин пройдёт, как по дороге. Так — каждый год: руби, подновляй, проверяй. Вечно. Как война. Вечно.

Григорий ехал вдоль засеки — медленно, в поводу. Конь

его, гнедой, фыркал, переступал через корни, косил глазом на сучья. Олфер — позади, на кобыле соловой, старой, но выносливой. Кряхтел в седле — ноги не те, спина не та, но — ехал. Отставал, нагонял, опять отставал. Григорий не подгонял. Не ждал. Не оборачивался. Знал — догонит. Всегда догонял.

Засака у речки Рать-реки подгнила — нижние стволы почернели, провалились в землю, верхние обросли мхом. Григорий остановился, спешился, подошёл. Тронул ствол — ногтем, как больной зуб. Мягкий. Гнилой.

— Здесь — рубить заново, — сказал он. — Полоса — саженей на двести. Брёвна — дуб, не сосна. Сосна гниёт за два года. Дуб — за пять.

— Далеко дуб везти, — сказал Олфер. — Ближний лес — берёза. А берёза — что девка: красивая, да тонкая. Татарин её — одним копытом.

— Тогда — везти. Из Шумаковской дубравы. Далеко? Далеко. А надо. «Дорого — яичко ко Христову дню». Засака — к весне. К весне татары придут. Не придут — ну, слава богу. Придут — пусть споткнутся.

Олфер слез с лошади — тяжело, с кряхтеньем, поехал в придорожную траву. Ходил — медленно, наклоняясь, что-то искал. Григорий смотрел — молча. Олфер — человек степи, человек поля. В степи он — дома. В городе — чужой. Тут, в траве, в ковыле, под небом — он — свой. Он — рыбак в воде.

Они поехали дальше. Засака тянулась — верстами, десят-

ками вёрст. Местами — крепкая, свежая, дубовая. Местами — гнилая, провалившаяся. Местами — стёртая, будто и не было. Рвы — заросли. Столбы — накренились. Надолбы — выворочены, корнями вверх, как мёртвые зубы.

Григорий записывал — в книжку, берестяную, огрызком угля. Столб на версте пятой — сменить. Ров у Курицкого лога — углубить на полтора аршина. Мост через Рать — подновить. Сторожевой городок у Гати — поставить. Не на потом. На сейчас. Зимой — рубить, весной — ставить. До лета — готово. До лета татары — придут.

Степь — тиха. Слишком тиха. Не было ни дыма на горизонте, ни пыли, ни топота. Непонятная. Зловещая. Тихая степь — хуже шумной. Шумная — знаешь, где враг. Тихая — не знаешь, где. Может — далеко. Может — близко. Может — ждёт.

— Олфер. Тихо.

— Тихо.

— Почему?

Олфер прислушался. Не ушами — носом, кожей, нутром. Он так умел — чуют степь, как зверь. Вдохнул, выдохнул, прищурился на солнце.

— Не знаю, боярин. Тихо. Может — Чигирин напугал. Турки — ушли, татары — притихли. Волк после драки — не сразу в деревню лезет. Зализывает раны.

— Или — копит силу, — сказал Григорий.

— Или — копит, — согласился Олфер. — Но — не сей-

час. Сейчас — тихо. Дышим.

Они ехали молча. Степь лежала кругом — огромная, золотая, безмолвная. Ветер нёс запах сена, полыни, дыма откуда-то. Далеко. Очень далеко. Может — из деревни. Может — из другого мира.

Сцена 2. Москва

Зима пришла в Москву в декабре — рано, жестоко, снегом по пояс. Григорий приехал к царскому двору — по вызову, на Думу. Ехал в санях — тяжёлых, медвежьей полостью укрытых, с бубенцами на дуге. Бубенцы звенели — тонко, скучно, монотонно, как капли в чашку. Григорий не слушал. Думал.

Москва — не его город. Он это знал давно, ещё с первых лет службы, когда юношей приезжал ко двору Михаила Фёдоровича и стоял в углу — восьмой сын, без голоса, без веса. Москва — камень, дым, толкотня. Москва — хитрая, кривая, разговорчивая. Где все говорят — и никто не слушает. Где слово дороже дела, где поклон глубже сабли. Москва — не степь. В степи — ясно. В степи — враг или друг, жизнь или смерть, сабля или щит. В Москве — туман. В Москве — все свои, и все — враги. Пока — тихо.

Кремль — красный, белый, золотой. Купола — как луковицы, вытянутые, острые. Снег на крышах, дым из труб, колокольный звон — тяжёлый, густой, набатный. Григорий шёл по двору — тяжёлым шагом, в шубе, в шапке. Бояре — мимо, кланялись. Кто — низко. Кто — еле. Кто — не кла-

нялся, а делал вид. Григорий не замечал. Он шёл — прямо, не сворачивая. Как в степи — прямо.

Думная палата — низкие своды, узкие окна, сумрак. Свечи — сальные, чадающие, коптят. Бояре — на лавках, по старшинству. Шубы, шапки, бороды. Шумят — тихо, как вода в трубе. Каждый — о своём. Каждый — за своё.

Григорий сел — в последний ряд. Тринадцатый боярин. Тринадцатый — по родовитости, не по заслугам. Заслуги — не считаются. Считается — кто твой дед, кто твой прадед, на ком женился, где сидел, рядом с кем стоял. Местничество. Система, которая меряет человека — не по сабле, а по гербу. Григорий — восьмой сын. Всю жизнь — последний. Всю жизнь — за плечами. Не обидно — привычно. Но — тяжело. Как телега на гору: тащишь — и тащишь, а воз — на месте.

Царь Фёдор Алексеевич сидел на троне — высоком, резном, под образом Спаса. Молодой — двадцать один год. Худой, бледный, лицо — узкое, одухотворённое. Глаза — тёмные, умные, но — печальные. Руки — тонкие, белые, на коленях. Кашлял — в рукав, тихо, вежливо. Как будто стеснялся. Он был — книжник, мыслитель, богослов. Не воин. Не правитель. Мягкий, как воск, но — умный, как лекарь. Видел всё — и не мог ничего. Или — не хотел.

Дума шла — о Засечной черте, о деньгах, о налогах. Григорий слушал — молча. Когда спросили — ответил коротко: «Черта гниёт. Денег не хватает. Людей не хватает. Леса везти — далеко. А татары — близко». Бояре — зашумели.

Кто — согласен. Кто — против. Кто — спит. Григорий сел обратно. Молчал.

После Думы — в столовой. Кремлёвская столовая — сводчатая, каменная, пахнет хлебом и чесноком. Столы — длинные, скамьи — узкие. Еда — простая: кулебяка, щи, каша, пироги. Григорий сел, взял кулебяку. Откусил — и остановился. Жевал — медленно. Потом — положил на тарелку.

Около него сел князь Прозоровский — молодой, в парчовом кафтане, борода — как пух на персике. Родовитый. Высокий. Глуповатый — но это не мешало. Мешало — другое.

— Князь Григорий Григорьевич, — сказал Прозоровский. — Слышал, Чигирин-то... — и замолчал. Не договорил. Либо — не знал, как сказать. Либо — не хотел. Григорий посмотрел на него — серыми глазами, неподвижно. Прозоровский отвёл взгляд. Взял кулебяку. Стал есть. Больше — не спрашивал.

Григорий ел — мало. Вспоминал Анастасиины щи. Не кремлёвские — домашние. С квасом, с капустой тёмной, с говядиной жилистой, с запахом печки и дымом. Москва — не кормит. Москва — наедает. Разница — как между жить и выживать.

Сцена 3. Матвеев

Артамон Матвеев жил в Москве, на Варварке, в каменном доме — не боярском, а — человеческом. Книги на полках, карты на стенах, иконы в углу, чадильня с латунным крестом. Кабинет — тесный, тёплый, заваленный бумагами,

свитками, тетрадами. Пахло чернилами, кожей, заморским вином. Матвеев любил вино — не русское, не мёд, а виноградное, кислое, терпкое, из Валахии или Греции.

Сам Матвеев — боярин, дипломат, мыслитель. Описание: средних лет, лицо — умное, тёмные глаза, быстрые, цепкие. Борода — клинышком, чёрная с проседью. Руки — белые, не боярские — скорее дьячьи, писчие. Говорил — тихо, но веско. Каждое слово — взвешено, как серебро на весах. Не бросал слов. Хотел — чтобы и ему не бросали.

Григорий пришёл — к вечеру, после Думы. Снял шубу — в сенях, шапку — на крюк. Вошёл. Матвеев встал — из-за стола, навстречу. Обнялись — крепко, по-братски. Не бояре — друзья. Двадцать лет — дружбы. С Полтавы? Нет — раньше. С Переяслава. С молодости.

— Григорий. Садись. Ешь. Пей.

— Не голоден.

— Голоден. Ты — всегда голоден и всегда — не голоден. Это — твоя беда. Садись.

Григорий сел. Матвеев налил вино — в кубки, оловянные, тяжёлые. Григорий понюхал, отпил — поморщился.

— Сладко.

— Не сладко. Кисло. Терпкое. Учись.

— Мёд лучше.

— Мёд — лучше. Но — мёд не пьют на пирах. На пирах пьют вино. А ты — не на пиру. Ты — дома. Дома — пей что хочешь.

Матвеев налил себе, выпил — одним глотком. Поставил кубок. Посмотрел на Григория — прямо, без хитрости.

— Григорий. Я писал тебе про Чигирин. Про слухи.

— Читал.

— И?

— И — ничего. Что мне делать, Артамон? Бежать по Москве с саблей и рубить языки? Я — не это. Я — другое.

— Я знаю. Потому и пишу. Потому и — друг. Но — слушай. Дело — хуже, чем ты думаешь. Не Дума шепчет. Дума — болтает. Дума — как мельница: вода течёт, колеса скрипят, мука — мелкая. Дело — в другом. Милославские. Иван Милославский. Он — у царя. Царь — слаб. Фёдор — болен. Ты знаешь.

— Знаю.

— После Фёдора — что?

Григорий помолчал. Отпил вино. Опять поморщился, но — допил.

— Пётр. Мальчик. Или — Иван. Старший. Слабый умом.

— Иван — не царь. Пётр — ребёнок. А регент — кто?

— Софья.

— Софья, — повторил Матвеев. — Царевна. Дочь Алексея Михайловича от Милославской. Умная. Жёсткая. И — Милославские — за ней. А Милославские — против нас. Против Нарышкиных. Против — тебя.

— Почему — против меня?

Матвеев усмехнулся. Тихо, без веселья.

— Потому что ты — наш. Потому что ты — с Нарышкиными. Потому что я — Нарышкин. А ты — со мной. А Милославские — помнят. Помнят Чигирин. Помнят, что ты отступил. Помнят, что стрельцы тебя не любят — за Михаила, за его жёсткость. Помнят, что ты — сильный. Сильный — опасен. Когда царь слаб — сильный боярин — угроза. Не враг. Просто — угроза. А угрозу — убирают.

Григорий слушал. Молчал. Лицо — камень. Руки — на столе, неподвижные. Глаза — серые, ровные. Ни страха, ни гнева. Только — усталость. Глубокая, старая, как колодец.

— Артамон. Я служил трём царям. Я воевал тридцать лет. Я потерял сына — в плену. Я потерял Чигирин — не по своей воле. Я отступил — потому что царь велел. А теперь — меня чернят. И — за что? За то, что я — стоял?

— За то, что ты — стоишь, — ответил Матвеев. — Пока ты стоишь — ты — угроза. Падёшь — перестанешь. Но — не падай. Я — прошу. Не падай.

— Я не падаю, — сказал Григорий. — Я — стою. Это — фамильное.

Матвеев кивнул. Налил ещё. Григорий — отпил. Уже не морщился. Привык. Или — перехотел морщиться. Бывает так — когда жизнь кислая, вино уже не кажется кислым.

— Артамон. А если — Фёдор умрёт?

— Умрёт. Скоро. Весной или — летом. Лекари — молчат. Молчат — значит, скоро.

— А потом?

— А потом — бой. За трон. Тихий бой — без сабель. Сначала — без сабель. Потом — с саблями. Стрельцы. Москва. Кровь.

Григорий поставил кубок. Тяжело. Звякнул олово о стол.

— Я — стар, Артамон. Для боя.

— Ты — не стар. Ты — устал. Это — разное. Старость — кончается. Усталость — проходит. Если — отдохнуть.

— Некогда отдыхать.

— Некогда, — согласился Матвеев. — Но — знай. Знай — что будет. Чтобы — быть готовым.

— Я — всегда готов. Это — тоже фамильное.

Матвеев не улыбнулся. Григорий — тоже. Оба знали — что разговор не весёлый. Оба знали — что впереди — тьма. Но — сидели. Пили. Молчали. Тихо. Как два старых волка, что знают: зима близко, а логово — одно на двоих.

Сцена 4. Марфа

В Курск Григорий вернулся под Новый год — морозный, снежный, с ветром в лицо. Дорога из Москвы — тяжёлая, пять дней в санях, на ухабах трясло, спина ныла. Олфер — рядом, кутался в тулуп, кашлял, кряхтел, ворчал на ямщиков. Ямщики не слушали — гнали лошадей, хлестали кнутами, матерились. Зима — не время для вежливости.

Палаты встретили теплом. Печь — топлена, жарко, пахнет берёзовым дымом. Анастасия — встретила на крыльце, обняла — коротко, крепко. Осмотрела — лицо, руки, спину. Не спрашивая. Глазами.

— Похудел, — сказала.

— Москва — худая, — ответил Григорий.

— Москва — всегда худая. Ты — не Москва. Ты — ел?

— Ел.

— Мало ел. Пирогы стынут.

— Пирогы — потом.

Анастасия не спорила. Знала — бесполезно. Пошла на кухню. Григорий сел у печки — на лавку, прямо, спиной к теплу. Закрыв глаза. Тепло — сзади, по спине, по плечам. Хорошо. Впервые за неделю — хорошо.

Марфа вошла — бесшумно. Высокая, в тёмном сарафане, коса — тяжёлая, перекинута через плечо. Лицо — отцовское: скулы, подбородок, прямой нос. Но — мягче. Григорий был — камень. Марфа — глина. Крепкая, но — податливая. Пока — податливая. Пока — не обожжена. А там — затвердеет. Как обожжённый горшок: снаружи — звенит, а внутри — пустота. Или — нет. Неизвестно. Григорий думал: выдать. И — не решался. Не потому что жаль — а потому что некому. Женихи — или дураки, или хитрецы. Марфа — умная. Умная — умному надо. А умных — мало.

— Батюшка.

— Марфа.

— Конюх опять запил.

— Опять?

— Опять. Третий раз за месяц. Лошадь не чистит, овёс ворует. Я его — в погреб. Сидит.

— В погребѣ — не замёрз?

— Не замёрз. Я ему — сѣна бросила. И — кувшин квасу.

Трезвеет.

Григорій не улыбнулся. Но — в глазах — блеснуло. Марфа заметила. Она всегда замечала — как отец. Всѣ видит, мало говорит, делает — молча.

— Батюшка.

— Что?

— Надо мне... — Марфа замолчала. Покраснела. Потом — побелела. Потом — сказала: — Замуж мне надо.

Григорій открыл глаза. Посмотрел на дочь — прямо, серьёзно. Не удивился — удивляться было нечему. Тридцать лет — пора. Но — спросил:

— Кого?

— Не знаю. Но — надо. Я — не молода. Пока — рожу. Потом — не рожу. А вам — внуки нужны. И — мне... — она запнулась. — Мне — человек нужен. Не дом. Не хозяйство. Человек.

Григорій молчал. Долго. Марфа стояла — прямо, не опуская глаз. Ждала.

— Человек, — повторил Григорій. — Это — правильно. Дом — не греет. Хозяйство — не любит. Человек — греет. Человек — любит. Но — найти... Найти — трудно.

— Я найду, — сказала Марфа. — Я — ваша. Я — найду.

Григорій кивнул. Коротко. Марфа ушла — тихо. В сенях — шум, грохот. Анастасія, на кухне, ругала повара. Голос

— звонкий, быстрый, как горох о доску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.